

В Фивах столько купцов,
сколько голодных ртов,
золотых колесниц, птиц,
шлемоносных львиц и цветов.

В Фивах столько глупцов,
говорящих «Я чист, я чист!»,
в Фивах столько истцов,
а ответчик — слепой арфист,
и когда они заявляют права,
я молчу, вспоминая строки стихов,
тот папирус, милая, те слова,
что свободный — бельмо на глазу рабов,

а потом — касаюсь твоих волос,
провожаю рукой по лицу,
в Фивах снова реки текут из слез,
я люблю тебя, Хатшепсут.

Тело гиксоса плавает в медном котле,
царский Нил голубеет в предутренней мгле,
на откосах шумит, пригибаясь, камыш,
цапли слетают с крыш,
видишь, тучи идут из долины Царей,
сильный ветер срывает печати с дверей,
будет очень большая гроза,

слушай, кони гнедые стоят у крыльца,

орхидеи, нимфеи, гибискус
в шелковистые гривы заплетены,
ну зачем тебе Фивы, весь ужас войны?
Эти храмы, дворцы, обелиски?
Мы с тобою уедем из проклятых мест
и забудем про Новое царство,
пусть за нами шумит эвкалиптовый лес,
перед нами — синее пространство,
я найду тебе чёрного жемчуга грот,
принесу тебе рыбы с залива...

но на деле — песчаная буря идет,
стража встала фалангой у царских ворот,
и во тьму погружаются Фивы.

1

Не уезжай из Ниневии —
здесь обретишь бессмертие,
не нарушай благолепие
нашего милосердия.

2

Легкой светящейся тенью тяжелого
хищного вымаха птиц
с хрустом пронзает сплав меди и олова
жёлтые головы львиц.

Вечно целовать тебя — слишком мало,
страстно ревновать тебя так нелепо,
львиная охота Ашшурбанипала
с варварскою помпой уходит в небо,
звери попадают под колесницы,
гибнут под ударами длинных копий,
горизонт закатный дрожит, дымится,
на песке расходятся пятна крови,
бледною рукою стены касаясь,
ты стоишь у камня, что служит дверью,
милая, любимая, не уезжай из
междуречья нашего, межреберья,
я теперь хочу, чтобы ты узнала:
больше нет Ниневии здесь и в небе,
львиная охота Ашшурбанипала—
это лишь фигуры на барельефе,
расточились в прах все жители града,
тьма вокруг черней самой лучшей басмы,
не хочу, чтоб ты просыпалась рядом
с черепом царя в погребальной маске.

«Арго», набитый клетотом стимфалид,
кровью счастливцев, криками «Воздух! Воздух!»,
так же, как я, во сне ахейском забыт.
В паус с икрой головного мозга
образ его трагический заключен.
Медной стрелою к шлему прибит Язон.
В сердце Язона стучат гравитоны. С хребта
мёртвые звёзды свисают, как остеофиты,
даже сирены не раскрывают рта,
в прах обратились грозные стимфалиды.
В космосе чёрном ни ада, ни рая нет,

есть только остров-чистилице, ветхий «Арго».
В сердце Язона, видный сквозь ткань перикарда,
теплится божий свет.

Она любила вино, трикотин и шёлк,
в доме напротив жил Вил, я не помню Ви́ла,
жёлтая глина, в которую он сошёл,
разрывает его изнутри, словно гнев Ахилла,
и Ахилл кричит, вынимая стрелу из пяты,
и под действием яда упав на колени,
видит как Парис выходит из темноты,
досылая стрелу в чёрный лук олений.
Она любила меня, она кричала мне «бис»,
я уже не помню, что она говорила.
«Разве ты не бессмертен?» — спрашивает Парис,
но никто не слышит ответ Ахилла.

Ты пришил мою тень к себе и летишь теперь через Нил,
и не то, чтобы я искал Тебя — Ты пришил.
Ты несёшь меня через Нил, пожирая свет
встречных созвездий, искажая их силуэт.
Ты летишь в Долину Царей, и в глазах принцесс,
непорочных дев, появляется влажный блеск.
Только времени нефть прилипла к моим рукам,
и пространства жар разрывает меня по швам,
словно шар из воловьей кожи. Не отмыть меня добела —
город озвучил меня, а потом окрылила мгла,
там, за кольцом окружной, где в тишине небес,
вечно любимый мной, начинается русский лес.
Ты летишь в Долину Царей, Ты пришил мою тень к себе.
Разве это изменит что-то в моей судьбе?